

УДК 340.1

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-112-120

ПРЕДЕЛЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФАКТИЧЕСКОГО СОСТАВА КАК ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Цуканова Е. Ю.

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»

В данной статье анализируется проблема определения границ фактического состава как системы юридических фактов, которые в совокупности являются основанием для возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Обозначена актуальность данной проблематики для современного уровня теории права. На основе исследования подходов различных ученых к решению данного вопроса выявляются критерии разграничения юридических фактов, образующих состав, и юридических условий, способствующих возникновению правовых последствий, но не являющихся их основанием. Также высказывается и аргументируется авторское видение перспектив решения данной проблемы.

Ключевые слова: юридический факт, юридические условия, юридические предпосылки, фактический состав, основание возникновения правоотношений.

Рассматривая фактический состав как систему юридических фактов, необходимо иметь четкое представление о его границах, что, несомненно, актуализирует проблему пределов «собираания фактов в состав». Данный вопрос, применительно к фактическим составам, является одним из наиболее дискуссионных. Трудность его решения состоит в том, что все обстоятельства реальной действительности в той или иной мере взаимосвязаны между собой. В философском измерении для обозначения данного явления используют понятие о всеобщей связи. С диалектической точки зрения жизненная материя представляет собой нечто единое целое во множестве взаимосвязанных и взаимообусловленных составляющих. Таким образом, каждое наличное явление или процесс являются результатом множества предшествующий событий.

Консолидированное существо проблемы отражает постановка Р.С. Бевзенко следующего вопроса: «где лежит предел «собираания» фактов в состав?». При этом дан следующий комментарий. Существенное расширение круга фактов, входящих в фактический состав, вплоть до рождения человека или приобретение дееспособности (для формирования состава, необходимого для перехода права собственности по договору купли-продажи) может «умалить значение фактического состава и превратить его в нечто аморфное, трудноопределяемое и потому совершенно бесполезное с точки зрения потребностей учения о юридических фактах?» [2, с. 363].

Необоснованное расширение границ, действительно, может привести к существенным потерям практической значимости фактического состава. Однако полагаем, это только одна сторона проблемы. Другая состоит в том, что недооценка роли определенного факта и невключение его в состав может привести к существенным практическим ошибкам и теоретическим затруднениям.

В научной литературе высказано мнение о том, что существуют такие фактические обстоятельства, которые могут явиться основанием для возникновения правоотношения, но при этом они не являются юридическими фактами. Речь, в частности, идет о таких обстоятельствах, которые называют юридические условия. Как правило они сопутствуют возникновению правовых последствий, но сами по себе не являются их основанием. С.А. Чаркин в качестве примера такого юридического условия называет факт наличия права собственности на недвижимость. Это обстоятельство, безусловно, необходимо учитывать при осуществлении с недвижимостью распорядительных действий, но факт наличия права собственности не включается в состав фактических предпосылок совершения данной сделки [15, с. 48].

Как правило, в отношении таких обстоятельств говорят, что создают определенную правовую возможность достижения правового результата, но не его основание. В качестве таких обстоятельств обычно рассматривают длящиеся факты, которые можно охарактеризовать как состояния, например: пол, возраст, состояние здоровья и другие [10, с. 150-154].

Учитывая сказанное, фактический состав должен представлять собой такой набор элементов (фактов), который будет оптимален для описания реальной жизненной ситуации, к которой нормами права будут «приложены» соответствующие желаемые правовые последствия.

Определение этой самой «оптимальности» и является «краеугольным камнем» в решении вопроса о формировании фактического состава. Если данный вопрос останется без своего решения, то в фактический состав можно будет включать и правоспособность субъектов правоотношения, которая обязательно должна сопутствовать возникновению правоотношения, но далеко не всегда имеет определяющее значение для возникновения соответствующих правовых последствий. Если же правоспособность всегда рассматривать как одно из фактических обстоятельств, на основе которого возникают соответствующие права и обязанности, то тогда будет необходимо признать, что любые правоотношения возникают на основе фактического состава.

В научной литературе данная проблематика затрагивалась в трудах различных ученых. Так, выражая свое отношение к этой проблематике, О.А. Красавчиков говорил о необходимости обособления ближайших юридических фактов (которые должны входить в фактический состав) и факты, которые отдаленно связаны с конкретным правовым последствием (вследствие этого, в фактический состав не включаемые) [2, с. 364]. Такой подход намечает некоторые ориентиры в формировании содержания состава. Однако понятия о «ближайших» и «отдаленных» юридических фактах имеют настолько оценочный и умозрительный характер, что не могут внести должной определенности в вопрос о границах фактического состава.

По мнению В.Б. Исакова, фактический состав является частью более широкой системы фактов, которая включает не только юридические факты, но и некоторые неюридические обстоятельства. На этом основании делается вывод о том, что комплекс реальных жизненных обстоятельств существенно шире фактического состава. Такая система включает в себя три группы фактов.

Первую группу составляют обстоятельства неюридического характера, но, тем не менее, оказывающие влияние на возникновение и движение правоотношения. Так, комплекс социальных обстоятельств, связанных с возникновением брачного

правоотношения, намного шире тех фактов, которые предусматривают нормы семейного права в качестве соответствующего фактического состава. Учет этих обстоятельств имеет значение не только для правильного правоприменения, но и «для научно обоснованного правотворчества».

Вторая группа состоит из таких фактических обстоятельств, которые, безусловно, необходимы для возникновения определенных правовых последствий. Однако они не включаются в фактический состав, поскольку в месторасположении всех фактических обстоятельств, способствующих правовому результату, занимают слишком отдаленное место. Вследствие этого они называются лишь условиями, но не основаниями возникновения правоотношения.

Третья же группа включает в себя такие фактические обстоятельства, которые непосредственно образуют фактический состав, являющийся основанием наступления предусмотренных законом правовых последствий [8, с. 9-12].

С точки зрения определения границ фактического состава первую из названных групп фактов можно не рассматривать, поскольку данные обстоятельства никоим образом не могут квалифицироваться как элементы состава, в силу того, что являются обстоятельствами «неюридического характера». Следовательно, только факты второй группы потенциально могут быть смешаны с элементами фактического состава. В.Б. Исаков для отграничения фактического состава от сопутствующих юридических условий предлагает использовать два критерия. Во-первых, месторасположение элементов фактического состава в одном или нескольких нормативных актах. И, во-вторых, многократность использования такого комплекса фактов. Многократному использованию подвержены условия, но не основания. В этом отношении В.Б. Исаков называет факты, входящие в юридический состав, фактами «разового действия», а факты-состояния, которые могут выступать в качестве необходимого условия для иных юридических составов, фактами «универсального действия». По этой причине автор данные факты не относит к элементам фактического состава [8, с. 13]. Длительность характера действия юридического условия рассматривается в качестве квалифицирующего признака и Р.Х. Ханнановым [14, с. 123-127].

Также В.Б. Исаков в другой своей работе указывает на критерии разграничения оснований и условий возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Первые и являются собственно юридическими фактами, вторые всего лишь способствуют появлению правового последствия. Так, к числу критериев отнесены:

– юридические факты обуславливают правовые последствия прямо, а юридические условия – косвенно, через одно или несколько промежуточных звеньев (чаще всего через факт-правоотношение);

– юридический факт связан с данным конкретным правоотношением, а юридическими условиями обычно детерминируется несколько различных правовых связей;

– юридические факты, как правило, обстоятельства разового, ситуационного значения; юридические условия, напротив, в большинстве своем факты длительного действия [9, с. 22].

Полагаем, критерии, обозначенные В.Б. Исаковым, имеют уже более определенный формат, нежели предложенные О.А. Красавчиковым. Тем не менее, и они не дают однозначного решения в отношении обозначенной проблемы. Кроме

того, можно отметить, что многие факты-состояния, расцениваемые вышеуказанными авторами в качестве юридических условий (и, соответственно, не входящих в фактический состав), все же должны рассматриваться в качестве элемента состава. Например, возможность приобретения полной дееспособности несовершеннолетним в результате эмансипации ст. 27 ГК РФ связывается:

- во-первых, с достижением возраста в 16 лет;
- во-вторых, с альтернативой в виде работы по трудовому договору *или* осуществление предпринимательской деятельности;
- в-третьих, 1) согласие родителей и решение органа опеки и попечительства; *или* 2) отсутствие согласия хотя бы одного из родителей и решение суда.

Как видно, существенная часть элементов данного состава состоит из фактов-состояний. К их числу можно отнести следующие факты: достижение определенного возраста, работа по трудовому договору и осуществление несовершеннолетним предпринимательской деятельности. Тем не менее, несмотря на длительный характер данных обстоятельств, вряд ли их можно рассматривать всего лишь как предварительные условия и не включать в данный фактический состав.

Существенное внимание проблемам квалификации жизненных обстоятельств в качестве предпосылок, условий и оснований возникновения, изменения и прекращения правоотношения уделил В.А. Белов применительно к юридическим фактам гражданского права. Деление фактов на данные виды проводится по критерию логической значимости. Это, по мнению ученого, одна из двух функциональных классификаций юридических фактов, выработанных к настоящему времени гражданско-правовой наукой. Второй классификацией данной направленности является деление, проводимое по признаку результативности юридических фактов. По сути, речь идет о традиционной классификации по характеру правовых последствий. В зависимости от этого выделены правообразующие, правоизменяющие и правопрекращающие юридические факты.

В отношении первой классификации В.А. Беловым отмечается, что ни факты-условия, ни факты-предпосылки в фактические составы включать не следует. Объясняется это тем, что в противном случае утрачивается смысл единичного юридического факта, поскольку вне связи с предварительными условиями и предпосылками ни одно фактическое обстоятельство не способно произвести никаких юридических последствий [3, с. 17].

Факты-основания с позиции логики выступают в качестве «причины обстоятельства, являющегося той «последней каплей», которая «переполняет чашу» фактических обстоятельств, а вместе с нею и «чашу индифферентного отношения» субъекта правотворчества» [3, с. 18].

Отсутствие четкого определения фактов-условий и фактов-предпосылок не позволяет разграничить данные виды фактов между собой. Вплоть до настоящего времени в правовой науке такое разграничение отсутствует. Полагаем, что это не случайно. Если между данными понятиями, применительно к видам юридических фактов, и существует какие-либо индивидуализирующие признаки, то они оценочны и субъективны. Более того, в толковом словаре русского языка предпосылка рассматривается как «предварительное условие чего-либо» [12]. Как видно, данные понятия имеют синонимичное толкование. Вследствие этого, считаем, что попытки

провести четкое разграничение между фактами-условиями и фактами-предпосылками бесперспективны и заранее обречены на неудачу.

Рассматриваемый вопрос напрямую затрагивался в исследовании М.А. Рожковой, осуществившей классификацию предпосылок наступления юридических последствий на общие и частные. К числу общих предпосылок были отнесены такие правовые явления, которые «признаются нормами права общими (и обязательными) компонентами для наступления всяких юридических последствий». В их качестве рассматриваются: норма права (определяющая правовую модель), правосубъектность, а также иногда правоотношение, являющееся базой для дальнейшего развития правовой материи [13, с. 12, 20-21].

Действительно, наличие правосубъектности в большинстве случаев относить к фактическому составу абсолютно нецелесообразно. Однако в случаях, когда правовые последствия в нормах права напрямую связываются с наличием или отсутствием дееспособности, этот факт трудно не признать элементом состава. Тем более возможны трудности с решением данного вопроса применительно к правоотношению (или иному состоянию), на базе которого при появлении иных обстоятельств возникают будущие правовые последствия. Это актуально для любых составов, и, в особенности для тех, которые формируются по принципу последовательного накопления элементов. Вследствие этого в правовой науке возникла идея о необходимости определения критериев, с помощью которых можно будет обособить границы фактического состава.

Несмотря на широко представленное и доминирующее в юридической литературе мнение о том, что юридические условия и предпосылки не могут быть включены в фактический состав и являются внешними по отношению к нему обстоятельствами, высказывались и иные суждения.

Например, О.С. Иоффе, рассматривая проблему соотношения юридических условий, создающих возможность возникновения правовых последствий, и фактического состава, рассматриваемых как основания для таких последствий, еще в 1949 году отмечал следующее. Реализованная часть фактического состава может порождать определенные права и обязанности. Возникшее правоотношение, рассматриваемое как самостоятельный юридический факт, выступает в качестве условия для дальнейшего развития правовых связей и последствий. В этой связи приводится пример с правом собственности конкретного лица. Это право, приобретенные в силу определенных жизненных обстоятельств, становится обязательным условием для возникновения залогового правоотношения. Тем самым, наличное правоотношение, рассматриваемое им в качестве условия, становится элементом самостоятельного фактического состава [7, с. 124-125].

На современном этапе развития правовой науки о необходимости включения в фактический состав юридических условий говорит В.В. Груздев. Однако его подход к определению системы и структуры фактов, включаемых в состав несколько отличается от традиционного. По его мнению, юридическим фактом, признается только такой элемент состава, который оказывается последним в цепи жизненных обстоятельств, порождающих правовые последствия. Поэтому само наличие фактического состава зависит от типа структурных связей между фактическими обстоятельствами, предусмотренной нормативной моделью. При независимом накоплении фактических элементов, порождающих правовые последствия только

при одновременном их существовании, состав как таковой вообще отсутствует. По мнению В.В. Груздева можно говорить только о едином сложном юридическом факте. Фактический состав может быть при последовательном накоплении фактов состава. Последнее в цепи жизненное обстоятельство будет квалифицироваться как юридический факт, а все предыдущие – как юридические условия [6, с. 82-89].

Отмечая оригинальность такого подхода, и отмечая наличие в нем как теоретической, так и практической значимости, нужно признать, что его реализация потребует кардинальной ломки устоявшихся доктринальных положений относительно фактического состава.

Высказывая собственные соображения по поводу решения данного вопроса, можно заметить, что поиск конкретных критериев, с помощью которых станет возможным однозначное определение границ фактического состава, вряд ли приведет к положительному результату. Каждый состав обладает индивидуальными особенностями, которые не позволяют их подвести к определенному единому «знаменателю». Это, возможно, было бы реально в случае, если между юридическим фактом (в том числе, фактическим составом) и соответствующими правовыми последствиями существовала бы объективная причинно-следственная связь.

Такая связь находится под существенным влиянием субъектов, осуществляющих правотворческие функции. Вопрос о характере взаимосвязи между юридическим фактом и соответствующими ему правовыми последствиями обсуждался в правовой науке довольно долгое время. Еще дореволюционные правоведы обращали внимание на данный аспект юридической теории и в большинстве своем приходили к выводу о том, что данная связь не является объективной причинно-следственной [4, с. 630-631]. Наиболее обстоятельно данный вопрос исследовал Д.Д. Гримм, который в рамках отдельного параграфа проанализировал мнения как немецких, так и российских правоведов. По результатам такого исследования им был сделан вывод о том, что «из наличности известных фактов выводим заключение о существовании того или другого правоотношения. Но делаем мы это вовсе не в силу логической необходимости, а в силу предписания объективного права» [5, с. 37].

Уже в советский период развития теории права Н.Г. Александров в этом отношении весьма верно заметил, что «связь между юридическим фактом, с одной стороны, и возникновением (изменением или прекращением) правоотношения, с другой стороны, не является, разумеется, причинной связью в философском смысле (в смысле объективной закономерности). <...> Придание фактам известного вида значения юридических фактов и соединением с ними тех или иных правовых последствий есть проявление роли государства, издающего соответствующие юридические законы» [1, с. 171]. Такая связь была названа «властно-правовой зависимостью между фактом и правовым последствием» [1, с. 163].

Соглашаясь с автором в главном, можно добавить следующее. Возникновение правоотношения не выступает неизбежным объективным следствием определенных фактов, поскольку данный вопрос находится в ведении законодателя. Именно он связывает данные явления и выстраивает их в логическую цепочку по принципу: причина – следствие. Это осуществляется в зависимости от практической целесообразности, которая требуется в определенный момент времени. Вследствие этого можно говорить о том, что содержание (состав элементов) фактического

состава зависит от усмотрения законодателя. Если в правовой норме правовой результат поставлен в зависимость от определенных фактов (вне зависимости от конкретного его вида), то, вероятно, они и должны составлять содержание фактического состава. Это, полагаем, верно даже в случае, когда в качестве таких обстоятельств предусмотрены факты достижения определенного возраста, обладание полной дееспособностью или др., которые при обычном построении нормативного материала предполагаются (и не требуют специального упоминания в правовой норме).

Решение вопроса о разграничении условий и непосредственно юридических фактов помимо теоретического значения, заключающегося в чистоте научно-правовых конструкций, имеет и чисто практическое значение. Одним из обязательных элементов правоприменения является квалификация фактических обстоятельств, явившихся основанием для возникновения правовых последствий. Вследствие этого правоприменитель должен устанавливать все обстоятельства, с учетом которых спор будет разрешаться по существу. Обстоятельства, с которыми непосредственно связано возникновение, изменение или прекращение спорных прав и обязанностей, составляют предмет доказывания по данному конкретному делу. Как правило, совокупность таких обстоятельств представляет собой элементы фактического состава, которые и подлежат доказыванию по конкретному делу. Именно этим в литературе обосновывается практическое значение разграничения фактов-условий и фактов-оснований [8, с. 13-14; 11, с. 186].

Таким образом, полагаем, что решение данного вопроса (насколько это, вообще, возможно) должно лежать в плоскости удобства для правоприменения, которое, в свою очередь, зависит от законодательных формулировок. Правоприменитель в континентальной системе зависит от воли законодателя, выступающего в роли правотворца. Именно законодатель определяет перечень фактических обстоятельств, с наличием которых он желает связать определенные правовые последствия. При выстраивании законодательных формулировок о некоторых фактических обстоятельствах не упоминается не в силу того, что они не нужны для достижения правового результата, а потому, что они предполагаются с точки зрения логики развития объективных явлений и процессов или построения нормативного материала.

В связи с этим можно предложить использование критерия в виде формы включения обстоятельства в юридико-фактическую систему. Если факт напрямую предусмотрен в определенной правовой норме (или тесно связанной с ней), то он с большей долей вероятности должен рассматриваться как элемент фактического состава. В случае, когда определенное обстоятельство всего лишь предполагается (например, наличие правосубъектности, или наличие права собственности при заключении договора купли-продажи и др.), то его можно рассматривать как юридическое условие, не охватываемое составом.

Мы вполне осознаем, что указанный нами критерий далек от абсолютной определенности, однако он, по нашему мнению, учитывает самое главное – а именно, волю законодателя (правотворца), которая, полагаем, в этом вопросе имеет определяющее значение.

Список литературы

1. Александров, Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. – М.: Госюриздат, 1955. – 176 с. – Текст : непосредственный.
2. Бевзенко, Р. С. Очерк 9. Теория юридических фактов // Р.С. Бевзенко, В. А. Белов. // Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики в 2 т. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – С. 350–377. – Текст : непосредственный.
3. Белов, В. А. Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. Факты : учебник для академического бакалавриата и магистратуры / В. А. Белов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 497 с. – Текст : непосредственный.
4. Гамбаров, Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая / Ю. С. Гамбаров. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 780 с. – Текст : непосредственный.
5. Гримм, Д. Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права: Прологомены к общей теории гражданского права. Т. 1 / Д. Д. Гримм. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – 320 с. – Текст : непосредственный.
6. Груздев, В. В. Юридические факты, юридические условия и правовые состояния в механизме правового регулирования / В. В. Груздев – Текст : непосредственный // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2011. – № 5. – С. 82–89.
7. Иоффе, О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе. – Л.: Из-во Ленинградского ун-та, 1949. – 144 с. – Текст : непосредственный.
8. Исаков, В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В. Б. Исаков. – Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 1980. – 128 с. – Текст : непосредственный.
9. Исаков, В. Б. Юридические факты в советском праве / В. Б. Исаков. – М.: Юридическая литература, 1984. – 144 с. – Текст : непосредственный.
10. Мицкевич, А. В. Избранное / А.В. Мицкевич; сост. и авт. предисловия Е. А. Юртаева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – 304 с. – Текст : непосредственный.
11. Нахова, Е. А. Понятие обстоятельств гражданского дела как основание требований и возражений сторон в процессе доказывания / Е. А. Нахова – Текст : непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 3 (86). – С. 183–187.
12. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. – М.: ООО «Издательство Оникс», 2012. – 1376 с. – Текст : непосредственный.
13. Рожкова, М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра юрид. Наук / М. А. Рожкова. – М., 2010. – 55 с. – Текст : непосредственный.
14. Ханнанов, Р. А. Нормативные условия в динамике гражданского правоотношения / Р. А. Ханнанов. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1973. – № 8. – С. 123–127.
15. Чаркин, С. А. Юридические факты как основания возникновения, изменения и прекращения земельных правоотношений / С. А. Чаркин. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 6. – С. 45–49.

Tsukanova E. Yu. Limits of formation of the actual composition as the basis for the emergence of legal consequences / E. Yu. Tsukanova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 112-120.

This article analyzes the problem of determining the boundaries of the actual composition as a system of legal facts, which together are the basis for the emergence, amendment or termination of legal relations. The relevance of this issue for the current level of legal theory is indicated. Further, based on a study of the approaches of various scholars to solving this issue, the criteria for distinguishing between legal facts and legal conditions are identified. The author's opinion on the prospects for solving this problem is also expressed and argued.

Keywords: legal fact, legal conditions, legal prerequisites, actual composition, the basis for legal relations.

Spisok literaturey

1. Alexandrov N. G. Legality and legal relations in the Soviet society / N. G. Aleksandrov. – М.: Gosyurizdat, 1955. – 176 p.

2. Bevzenko R. S. Essay 9. The theory of legal facts // R. Bevzenko, V. A. Belov. Civil law. Actual problems of theory and practice in 2 volumes / V. A. Belov; under total. ed. V. A. Belova. – M.: Yurayt Publishing House, 2015. – Pp. 350–377.
3. Belov V. A. Civil law. In 4 volumes. Vol. II. A common part. In 2 books. Book 2. Facts : textbook for academic undergraduate and graduate programs / V. A. Belov. – 2nd ed., Rev. and add. – M.: Yurayt Publishing House, 2016. – 497 p.
4. Gambarov Yu. S. Course of civil law. T. 1. General part / Yu. S. Gambarov. – SPb.: Type. M. M. Stasyulevich, 1911. – 780 p.
5. Grimm D. D. Fundamentals of the doctrine of a legal transaction in the modern German doctrine of pandect law: Prolegomena to the general theory of civil law. T. 1 / D. D. Grimm. – SPb.: Type. M. M. Stasyulevich, 1900. – 320 p.
6. Gruzdev V. V. Legal facts, legal conditions and legal conditions in the mechanism of legal regulation / V. V. Gruzdev // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2011. – No. 5. – Pp. 82–89.
7. Ioffe O. S. Legal relationship in the Soviet civil law / O. S. Ioffe. – L.: Iz-in Leningrad University, 1949. – 144 p.
8. Isakov V. B. The actual composition in the mechanism of legal regulation / V. B. Isakov. – Saratov: Publishing house of the Saratov State University, 1980. – 128 p.
9. Isakov V. B. Legal facts in Soviet law / V. B. Isakov. – M.: Legal literature, 1984. – 144 p.
10. Mitskevich A. V. Selected / Compiled. and ed. foreword by E. A. Yurtaeva. – M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2010. – 304 p.
11. Nakhova E. A. The concept of the circumstances of a civil case as the basis for the requirements and objections of the parties in the process of proving / E. A. Nakhova // Bulletin of the Saratov State Legal Academy. – 2012. – No. 3 (86). – Pp. 183–187.
12. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: Ok. 100 000 words, terms and phraseological expressions / Ed. prof. L. I. Skvortsova. 28th ed., Rev. – M.: Onyx Publishing House, 2012. – 1376 p.
13. Rozhkova M. A. Theories of legal facts of civil and procedural law: concepts, classifications, bases of interaction : author. dis. ... Dr. jurid. Sciences / M. A. Rozhkova. – M., 2010. – 55 p.
14. Hannanov R. A. Regulatory conditions in the dynamics of civil legal relations / R. A. Hannanov // Soviet state and law. – 1973. – No. 8. – Pp. 123–127.
15. Charkin S. A. Legal facts as grounds for the emergence, change and termination of land legal relations / S. A. Charkin // Gaps in Russian legislation. – 2011. – No. 6. – Pp. 45–49.